

Глава 40. Счастливый случай

На следующее утро солнце, взойдя на востоке, озарило мир тёплым золотистым светом.

Ся Гуцзян сидел в красном спорткаре, залитый солнечными лучами, и дремал.

Лёгкий стук по стеклу заставил его очнуться. Подняв голову, он увидел за окном Ся Гуханя.

— Ты вернулся, — Ся Гуцзян разблокировал двери, впуская брата.

Ся Гухань молча сел на водительское сиденье, скрестил руки на груди и тут же заснул.

Ся Гуцзян взглянул на него и, ощутив исходящее от брата гнетущее напряжение, благоразумно промолчал. Он не знал, что именно произошло с Ся Гуханем прошлой ночью, но был уверен — ничего хорошего. Уровень гнева Ся Гуханя зашкаливал, и в такие моменты его лучше было не трогать.

Ся Гуцзян тихонько убавил температуру в салоне, завёл машину и выехал на трассу. Через десять с лишним минут он остановился на главной улице небольшого городка.

Они весь вчерашний день преследовали Су Юэвэй. Целый день за рулём, без еды. Пора было что-нибудь перекусить.

В шесть утра городок уже проснулся. По обеим сторонам дороги суетились торговцы, их зазывные крики не смолкали ни на минуту.

Ся Гуцзян припарковался у входа в лапшичную. Он как раз раздумывал, стоит ли будить Ся Гуханя, когда тот, поведив носом, открыл глаза.

Ся Гуханя разбудил голод. Целый день без еды, а доносящийся с улицы аромат так дразнил, что желудок недвусмысленно заурчал, заставляя проснуться.

— Пойдём поедим? — осторожно спросил Ся Гуцзян.

Он знал, что Ся Гухань не из тех, кто срывает злость на других, но в гневе от него исходила пугающая аура, в этом он не уступал даже Ся Юнькаю. В такие моменты Ся Гуцзян предпочитал вести себя тихо.

Ся Гухань потянулся.

— Угу, — промычал он и первым вышел из машины.

Аромат лукового масла, доносившийся из лапшичной, возбуждал аппетит.

Ся Гухань и Ся Гуцзян вошли внутрь. Взглянув на меню на стене, Ся Гуцзян обратился к хозяину, который хлопотал у плиты:

— Хозяин, две порции лапши в прозрачном бульоне.

В это время посетителей было немного, и они быстро нашли свободный столик.

Ся Гуцзян почувствовал, что настроение Ся Гуханя постепенно улучшается. Острые грани его ауры сгладились, и он снова стал выглядеть ленивым и расслабленным. Ся Гуцзян вздохнул с облегчением.

Пока они ждали заказ, Ся Гуцзян заговорил о Гу Цзиньняне:

— Интересно, как там невестка?

— Он... — Ся Гухань на мгновение замолчал, затем его брови сошлись на переносице, и воздух вокруг него внезапно потяжелел.

Ся Гуцзян вздрогнул и инстинктивно отодвинулся подальше.

Спустя некоторое время Ся Гухань пришёл в себя, но выражение его лица было не из лучших.

— Ч-что случилось? — спросил Ся Гуцзян.

Ся Гухань покачал головой.

— Ничего.

Его эмоциональный всплеск был вызван чувствами Гу Цзиньняня.

Благодаря контракту совместной жизни и смерти, даже на расстоянии в тысячи ли, Ся Гухань мог ощущать эмоции Гу Цзиньняня.

Он не знал, что там происходит, но гнев Гу Цзиньняня был настолько силён, что, если бы не сдерживающие обстоятельства, Ся Гухань был уверен: тот уже давно разнёс бы логово негодяев.

— Ты можешь чувствовать невестку? — Ся Гуцзян, сопоставив факты, выдвинул разумное

предположение. Впрочем, ответ он уже знал — реакция Ся Гуханя сказала всё за него.

Но Ся Гуцзян и представить не мог, что причина этой связи — контракт совместной жизни и смерти.

Когда Ся Гухань произнёс эти несколько слов, Ся Гуцзян как раз ошпаривал кипятком посуду.

— Ся Гухань, повтори, что за контракт? — Ся Гуцзян заподозрил, что у него проблемы со слухом. Ложка выскользнула из его рук и упала в горячую воду, обдав руку брызгами.

Но он не почувствовал боли. Неверяще глядя на Ся Гуханя, он повторил вопрос.

Ся Гухань лениво ополоснул палочки в кипятке и повторил:

— Контракт совместной жизни и смерти.

Ся Гуцзян, конечно же, знал об этом контракте.

Он заключался непосредственно между душами и, будучи скреплённым, оставлял на них отпечаток друг друга. Этот отпечаток не исчезал в течение многих жизней, и заключить такой контракт можно было лишь раз.

Из-за этой особенности у контракта совместной жизни и смерти было и другое, более простое название — брачный контракт.

Ся Гуцзян думал, что Ся Гухань просто завёл себе парня, а оказалось, что они уже поженились.

Он лишь слышал о таком контракте, но никогда не видел, чтобы кто-то его заключал. Даже самые любящие пары в мире небесных мастеров не решались на такой шаг.

Во-первых, контракт связывал на множество жизней. Если одна душа рассеется, то же самое произойдёт и с другой. Во-вторых, контракт предъявлял к заключившим его строжайшие требования. В случае предательства одной из сторон, её ждала кара силы контракта. В лучшем случае — потеря одной жизни, в худшем — полное уничтожение души, причём вместе с душой партнёра.

Это означало, что стороны, заключающие контракт, должны доверять друг другу на сто процентов, веря, что даже после перерождения партнёр не предаст.

На такие суровые условия не решались даже самые преданные пары. А Ся Гухань, сколько он

знал Гу Цзиньяня? И уже осмелился связать с ним все свои будущие жизни?

Ся Гуцзян не мог не поднять большой палец вверх.

— Брат, — с искренним восхищением произнёс он.

Всё-таки его брат — невероятно крут!

Ся Гухань принял комплимент.

В этот момент хозяин принёс им лапшу.

Двое проголодавшихся мужчин больше не разговаривали, с аппетитом поглощая завтрак.

Посетителей в лапшичной становилось всё больше. Знакомые собирались за столиками, оживлённо болтая.

Припаркованный у входа красный спорткар тоже стал предметом обсуждения.

— Чья это машина у входа? Я видел такую марку по телевизору, стоит, наверное, немало?

— Миллионов несколько, точно.

— Неужели опять кто-то из деревни Гаоцзя купил?

— Какая деревня Гаоцзя? Давно уже город Даюнь. И не вздумай при них назвать это место деревней. Вся деревня разбогатела, теперь они очень заносчивы.

— И надо же, какая удача им привалила. Всего несколько лет прошло, а они не только из глуши выбрались, так ещё и виллы одну за другой строят, машины за миллионы покупают.

— Эх, почему нам так не повезло родиться в городе Даюнь?

...

Разговоры с местным акцентом доносились до ушей Ся Гуханя и Ся Гуцзяна. Они не всё понимали, но суть уловили.

Ся Гуцзян допил бульон и, наклонившись к Ся Гуханю, прошептал:

— С городом Даюнь что-то не так.

— Расспроси, и узнаем, — Ся Гухань отложил палочки и посмотрел на брата.

Так он и передал ему эту задачу.

Ся Гуцзян привык. Расплачиваясь, он как бы невзначай спросил у хозяйки:

— Хозяйка, простите, как проехать в деревню Гаоцзя?

Хозяйка, убиравшая посуду, взглянула на него.

— А зачем вам в деревню Гаоцзя?

— У меня тётя лет десять назад вышла замуж в Гаоцзя. Несколько лет уже не можем с ней связаться. Отец попросил нас с братом съездить проведать, — с улыбкой ответил Ся Гуцзян.

Он был хорош собой, и его улыбка обезоруживала.

Хозяйка, увидев, что посетителей ещё не так много, присела на стул и завела разговор.

— Нет больше никакой деревни Гаоцзя, — сказала она. — Лет пять-шесть назад она стала городом, и название сменили на Даюнь. В смысле, что им привалила великая удача. Вся деревня не пойми где нашла способ заработать, и все разбогатели.

Тут хозяйка скривила губы.

— Раньше в одном городе жили, а как разбогатели, так и не подумали нам помочь. Всё держат в секрете, боятся, что мы их бизнес отнимем.

— Денег на всех не хватит. Если они тебя научат, что сами зарабатывать будут? — крикнул ей хозяин. — Убери-ка лучше со столов, а то гостям сесть некуда.

— Иду, иду... — хозяйка поднялась и снова принялась за работу.

Ся Гухань и Ся Гуцзян переглянулись и, заплатив, вышли из лапшичной.

— В Даюнь? — спросил Ся Гуцзян.

Ся Гухань был того же мнения.

Они направились к машине, когда их окликнула пожилая женщина.

— Молодые люди... подождите.

Это была старушка с корзиной овощей. У неё была сильная катаракта, и глаза её казались затянутыми туманом. В платке на голове, ссутулившись, она протянула к ним дрожащую руку.

— Бабушка, что-то случилось?

Старушка поманила их к себе.

Когда они подошли, она прошептала:

— Вы тоже интересуетесь, как деревня Гаоцзя разбогатела?

— Говорю вам, эти деньги брать нельзя. Это людоедские деньги, за них кара небесная постигнет!

— Постигнет кара небесная!

Говоря это, старушка разволновалась и стала стучать палкой по земле. На её старческом лице отразилась ненависть.

Проходившие мимо люди, услышав это, поспешили объяснить Ся Гуханю:

— Не слушайте эту сумасшедшую. Она на Даюнь обижена. Три года назад её внучка вышла замуж в Даюнь. Но, видно, судьба у неё такая — не выдержала богатства, через два года умерла. Старуха теперь не может пользоваться благами, вот и злится на весь Даюнь.

Старушка замахнулась на говорившего палкой, бормоча:

— Что ты знаешь? Мне внучка во сне приходит! В Гаоцзя все — бессовестные твари! Они заставляли мою девочку рожать, одного родила — заставляли ещё! Они её до смерти довели!

Очевидно, старушка говорила это не в первый раз. Окружающие не обращали на неё внимания, продолжая заниматься своими делами, считая её просто сумасшедшей.

Но Ся Гухань и Ся Гуцзян уловили в её словах главное.

Ся Гуцзян мягко успокоил старушку, помог ей сесть в тени дерева.

— Бабушка, не волнуйтесь, мы вам верим.

Он повторил историю, которую рассказал хозяйке лапшичной:

— Моя тётя тоже вышла замуж в Гаоцзя. Раньше мы общались, но последние несколько лет связи нет. Мы беспокоимся, что с ней что-то случилось, и хотим съездить проведать.

Впервые кто-то поверил словам старушки, да ещё и с похожей историей. Она тут же почувствовала родственную душу.

Оглядевшись по сторонам, она заговорщицки прошептала Ся Гуцзяну:

— Моя внучка ещё говорила, что в Гаоцзя их заставляют рожать детей для призраков. Всех женщин в деревне заставляют.

Говоря это, старушка заплакала, хлопая себя по ногам.

— Бедная моя внученька! Я-то думала, она замуж в Гаоцзя вышла, будет в достатке жить. А оказалось, это логово злых духов. Знала бы я, ни за что бы её туда не отпустила, даже если бы пришлось костями лечь! Мне каждый день снится, как она под горой завалена, ни жить, ни умереть не может. Горькая моя доля!

Двое мужчин растерянно смотрели на убитую горем старушку.

Наконец, Ся Гухань протянул ей талисман.

— Бабушка, когда вернётесь домой, сожгите это для вашей внучки. Ей станет легче. И скажите ей, что её мучения скоро закончатся.

Мутные глаза старушки внезапно расширились. Она обеими руками приняла талисман. В тот момент, когда он коснулся её ладоней, она почувствовала, как по руке разливается тепло, доходя до самого сердца и согревая всё тело.

Она дрожащими руками посмотрела на Ся Гуханя.

Возможно, найдя наконец опору, или действительно увидев надежду, глаза старушки наполнились слезами. Она попыталась опереться на палку, чтобы встать и поклониться Ся Гуханю.

Ся Гухань, предугадав её намерение, поддержал её.

— Пожалуйста, бабушка, никому не говорите о сегодняшнем дне.

— Хорошо... хорошо, — старушка, прижимая к себе талисман, закивала.

Когда Ся Гухань и Ся Гуцзян уходили, старушка отдала им все овощи, что принесла на продажу. Это была её самая искренняя благодарность.

Они не отказались, но Ся Гуцзян незаметно сунул в карман старушки несколько десятков юаней.

Вернувшись домой, старушка, не мешкая, сделала, как велел Ся Гухань, и сожгла талисман перед поминальной табличкой внучки.

Сизый дымок поднялся вверх и растворился в воздухе.

Днём, во время сна, старушке снова приснилась внучка.

Она всё так же была завалена под горой, но на этот раз вокруг неё были стальные балки, создававшие небольшое пространство и защищавшие от давления.

Внучка улыбнулась ей.

— Бабушка, спасибо тебе. Мне теперь не так тяжело.

Старушка попыталась протянуть руку и вытащить внучку, но никак не могла до неё дотронуться.

— Бабушка, это бесполезно. Я никогда отсюда не выберусь.

— Внученька, послушай меня! Я сегодня встретила на улице святого человека. Он сказал, что скоро тебя спасёт! — крикнула ей старушка.

— Внученька... ты только подожди...

Старушка резко открыла глаза и поняла, что она всё ещё у себя дома.

Вспомнив сон, она встала с кровати, вышла на порог, опустилась на колени и трижды поклонилась.

Ся Гухань и Ся Гуцзян покинули городок. Ся Гуцзян сел за руль, направляясь в Даюнь.

По дороге он то и дело поглядывал на Ся Гуханя. Честно говоря, поступок Ся Гуханя с талисманом его удивил. Но, поразмыслив, он понял, что это было в его духе. Ся Гухань всегда казался безразличным ко всему, но на самом деле всё принимал близко к сердцу.

Ся Гухань уже спал, не обращая внимания на взгляды брата.

Ся Гуцзян отвёл взгляд и сосредоточился на дороге. Мощный спорткар мчался по бетонной трассе, оставляя за собой гул мотора.

Через двадцать с лишним минут в поле зрения появились роскошные виллы. Дорога под колёсами сменилась с бетонной на гладкий, широкий асфальт.

Ровная, чистая асфальтовая дорога вела прямо к городку, усеянному виллами.

У въезда в городок стоял большой камень, на котором каллиграфическим почерком были выведены три иероглифа — Даюнь.

Ярко-красный спорткар въехал в город Даюнь.

Ся Гухань, до этого сладко спавший, склонив голову набок, внезапно открыл глаза.

Он почувствовал. Гу Цзиньнянь был здесь, в Даюне.

Гу Цзиньнянь действительно был в Даюне, но не в центре города, а на горе к северо-западу от него, где раньше находилась деревня Гаоцзя.

Вчера утром он, приняв облик женщины, отправился на встречу с доктором Чэнь. Когда он пришёл в ресторан, та уже ждала его.

Несмотря на то, что доктор Чэнь хорошо скрывала свои чувства, Гу Цзиньнянь заметил в её глазах нетерпение.

Гу Цзиньнянь, сделав вид, что ничего не заметил, элегантно сел напротив неё.

— Доктор Чэнь, доброе утро.

— Доброе утро, госпожа Гу, — доктор Чэнь мягко улыбнулась.

В этот момент подошёл официант с кофе. Доктор Чэнь попросила его поставить чашку перед Гу Цзиньнянем.

— Не зная ваших предпочтений, я позволила себе заказать для вас кофе. Это фирменный напиток этого заведения, попробуйте.

— Простите, я не пью кофе, — Гу Цзиньнянь отодвинул чашку, заметив, как застыло лицо доктора Чэнь.

Напряжение на её лице продержалось лишь мгновение, и она тут же скрыла его.

— Прошу прощения. Что бы вы хотели выпить? Молоко или чёрный чай?

Гу Цзиньнянь подумал: если он скажет, что ничего из этого не пьёт, она, наверное, сама силой вольёт в него этот кофе?

Конечно, это были лишь мысли.

Ведь если рыба на крючке испугается, она может и сорваться.

Поэтому Гу Цзиньнянь кивнул.

— Мне, пожалуйста, воду.

Доктор Чэнь посмотрела на официанта и поторопила его:

— Быстрее принесите стакан воды.

Но Гу Цзиньнянь остановил его:

— Я пью только бутилированную воду.

Теперь даже официант застыл, и лицо его помрачнело.

Доктор Чэнь была ошеломлена такой привередливостью. Через мгновение она с трудом

выдавила из себя улыбку:

— Госпожа Гу — очень утончённая особа.

Гу Цзиньнянь изящно улыбнулся, сохраняя аристократическую осанку.

Официант быстро вернулся с бутылкой дорогой минеральной воды, чтобы у Гу Цзиньняня не было повода для придинок.

Гу Цзиньнянь остался доволен. Он отвинтил крышку и сделал небольшой глоток.

Едва вода оказалась у него в руках, он почувствовал в ней необычную энергетическую флуктуацию. Этой дозы хватило бы, чтобы свалить с ног слона.

Конечно, на Гу Цзиньняня это не подействовало.

Но спектакль нужно было доиграть до конца. Сделав глоток, Гу Цзиньнянь почувствовал, как у него начинает «кружиться» голова.

Он опёрся о стол, туманным взглядом посмотрел на доктора Чэнь и проговорил:

— Вы что-то подсыпали в во...

Не договорив, он рухнул на стол.

Пролежав так некоторое время, и, вероятно, убедившись, что он действительно без сознания, в кофейню вошли двое рослых мужчин. Они подхватили Гу Цзиньняня под руки и вывели через чёрный ход.

Там их уже ждала машина. Дверь открылась, и Гу Цзиньняня затолкали внутрь.

Всё это время Гу Цзиньнянь держал глаза закрытыми, притворяясь, что ничего не соображает.

Но всё происходящее вокруг было под его полным контролем.

Водитель, в маске, скрывающей лицо, оставив на виду лишь тёмные глаза, с удовлетворением посмотрел на Гу Цзиньняня и сказал вышедшей следом доктор Чэнь:

— Товар на этот раз хороший. Когда родится здоровый малыш, твоё желание обязательно исполнится.

Доктор Чэнь довольно улыбнулась.

— Что ж, буду ждать хороших новостей.

Вскоре машина тронулась.

Гу Цзиньнянь «видел», как машина покинула Учжоу и въехала в городок под названием Даюнь.

В Даюне машина не остановилась, а, петляя по ухабам, поднялась в гору и остановилась в заброшенной деревне.

Крытые черепицей дома были разбросаны по склонам гор. Окна каждого дома были плотно закрыты, словно чем-то заколочены, и зияли чернотой.

Вся деревня была погружена в тишину. Не было слышно ни пения птиц, ни лая собак, ни даже детского смеха.

Деревенские тропинки заросли сорняками. Не видно было ни души.

Гу Цзиньняня вытащили из машины и повели по тропинке. Наконец, они остановились перед небольшим двухэтажным домом.

Гу Цзиньнянь разглядел выцветшую табличку на двери. Смутно можно было прочесть: «Деревня Гаоцзя, 13».

Железная дверь открылась, и Гу Цзиньняня занесли внутрь.

Человек внутри, увидев Гу Цзиньняня, присвистнул. Его похотливый взгляд скользнул по ногам Гу Цзиньняня, и он сглотнул.

— Босс, какой сегодня товар что надо!

Мужчина в маске, который принёс Гу Цзиньняня, бросил на него недовольный взгляд.

— Закатай губу. Высшее начальство сказало, сегодняшний товар трогать нельзя!

Тот, получив нагоняй, поспешно отвёл взгляд и повёл мужчину в маске на второй этаж. Ключом он открыл среднюю комнату.

Мужчина в маске занёс Гу Цзиньняня внутрь и положил на кровать.

Он окинул Гу Цзиньняня взглядом с головы до ног, после чего вышел и запер дверь.

Гу Цзиньнянь не сразу «очнулся». Он знал, что за ним наблюдает пара глаз из темноты.

Но это не мешало ему изучить обстановку в доме.

Это был двухэтажный дом: на первом этаже — гостиная, кухня и кладовка; на втором — три комнаты. Он находился в средней. В двух других комнатах тоже были люди, и это были женщины.

Их заперли в комнатах, окна заколотили, не пропуская ни луча света. Единственным источником освещения служила тусклая старая лампа накаливания. Её стеклянная колба почернела от времени, отбрасывая на стены тёмные тени.

Женщина в левой комнате сидела на краю кровати. Женщина в правой — сжалась в углу.

Их волосы были спутаны, а взгляды — пусты и безжизненны, в них не было ни капли надежды.

У женщины на кровати был огромный живот, словно привязанный таз, ноги её отекали. Судя по всему, роды должны были начаться со дня на день. У девушки в углу живот был лишь слегка заметен. Очевидно, она была на раннем сроке.

И эти две женщины были не единственными. Гу Цзиньнянь расширил своё восприятие, охватив всю деревню.

Он обнаружил, что почти в каждом доме заперта женщина — такая же оцепеневшая и отчаявшаяся.

Были и те, кто, одетый в яркую одежду, истерично кричал и бился, желая выбраться. Очевидно, её, как и Гу Цзиньняня, одурманили и похитили.

Она в безумии колотила в дверь, плача и умоляя, но в ответ ей была лишь бесконечная тишина.

В соседнем доме была заперта ещё одна женщина. Её взгляд был рассеян, она рвала на себе волосы и механически бормотала:

— Вы сказали, что дома нет денег на строительство, обманом заманили меня домой. Сказали, роди одного, и у семьи будет новый дом. Но теперь новый дом построен, младший брат может пойти в университет, почему я должна рожать ещё?

Она повторяла эту фразу снова и снова, но ответа так и не получала.

С того момента, как её обманом вернули домой, она перестала быть человеком. Она стала просто машиной для вынашивания.

Без свободы, без достоинства.

<http://bllate.org/book/13703/1589528>